

Бай Иньфэн, лишь взглянув на его лицо, сразу понял, что дело скверно, и, не желая навлекать на себя гнев, попытался сделать вид, будто целиком поглощен вычесыванием коня. Он никак не ожидал, что Бай Фу направится прямо к нему.

— Что делать? Евнух Ван требует сбить цену наполовину, а ведь то, что дал глава клана, — это и так себе в убыток, об этом же заранее договаривались! С чего вдруг они вздумали снижать цену? — Бай Фу вытер пот со лба.

— Управляющий Бай это мне говорит? — Бай Иньфэн указал на себя.

— А здесь есть кто-то еще?

— О, а я-то думал, управляющий Бай сам с собой разговаривает, в конце концов, это же очевидно, как вши на лысой голове. Глава клана и евнух Ван не подписывали никаких официальных договоров, так что передумать, конечно, могут.

— Если бы чуть-чуть скинуть — еще куда ни шло, но сбрасывать столько... Это, это вообще что за намеки?

— Мы отдали товар по себестоимости, по честной цене, а им кажется, что дорого — мол, поди знай, сколько мы на этом наварили! Во всяком случае, наш товар уже доставят в Столицу, так что собьют цену: если удастся задешево выторговать, они в плюсе, а даже если нет — поморозят нас пару дней, и мы сразу станем поговорчивее.

То, что они не подписали договор, было страннее всего — ни один торговец не мог упустить из виду столь важную вещь. Можно было лишь заключить, что ради того, чтобы примкнуть к столь влиятельному покровителю, Клан Бай вовсе перестал обращать внимание на подобные мелочи.

— Но у нас здесь некому принимать решения! — скривился Бай Фу.

Бай Иньфэн немного подумал и вполне серьезно предложил:

— Все равно наш товар еще не вошел в город, может, пойдешь разыщешь Бай Иньсуна и спросишь, как быть? А если по дороге не встретишь Бай Иньсуна, так и топай дальше прямо до дому, спросишь у главы клана, что делать?

— Да как такое возможно? Туда и обратно по меньшей мере два-три месяца, мы же не потянем убытки за простой рабочих и аренду склада!

— Ну так и спрашивать надо не меня! Я человек грубый, самое большее — могу посреди ночи заявиться к Ван и отлупить кого-нибудь для выпуска пара.

— И не думай! — Бай Фу поспешно заставил его замолчать и испуганно закричал: — Это же Столица, ты что, жить надоело?

Бай Иньфэн усмехнулся:

— Это нельзя, то нельзя. У управляющего Бая наверняка уже есть план, так почему бы не выложить его нам, вместе подумаем?

— Какой у меня может план? Придется сначала снять склад, а потом идти к евнуху Вану на поклон. Наверняка евнух Ван войдет в наше положение.

Бай Иньфэн скептически хмыкнул:

— Наш товар намного превосходит всё остальное, раз он не разбирается в качестве, неужели в Столице больше некому оценить его по достоинству? Раз уж мы прибыли сюда, и он не желает покупать, продадим кому-нибудь другому.

— Да ты ни черта не смыслишь! Эту партию пообещали ему, если отдадим другому — не наживем ли мы врагов? Он — чиновник, а мы — простой народ, крутить нами для него — что кошке с мышей играть...

Бай Фу вполголоса выругал его на чем свет стоит, но тот даже не рассердился и с улыбкой произнес:

— Я всего лишь наемный сопровождающий каравана, моя задача — доставить груз в целости и сохранности, считай, долг свой я исполнил. Хотя я и согласился по вашей просьбе заменить этого сопляка Бай Иньсуна и поехать на переговоры, но раз уж они не хотят встречаться, я ничего поделаться не могу. Будет по-твоему, как скажешь.

Почему такую крупную сделку не поручили вести кому-то из старших членов Клана Бай? Его родной отец Бай Динси из-за того, что в молодости вел разгульный образ жизни и предавался всевозможным утехам, несколько лет назад перенес инсульт и был прикован к постели, однако оставалось еще столько толковых и прозорливых дядей и кузенов, способных справиться со столь важным делом.

Бай Иньфэн не вполне понимал замыслы Третьего прадеда, но он прекрасно знал, что сделки между чиновниками и торговцами — это глубокая яма, и Клан Бай определенно играет с огнем. Разве плохо было и дальше спокойно оставаться пятым по богатству кланом в Цзяннани? С чего бы Третьему прадеду с возрастом становиться только амбициознее?

Бай Фу продолжал ворчать и жаловаться, а Бай Иньфэн блуждал взглядом по сторонам, полностью погруженный в собственные мысли. Внезапно краешком глаза он что-то заметил, замер, резко повернул голову и увидел проходящего мимо переулочка даоса в бледно-желтой

монашеской розе и с перьями в короне на голове, державшегося с удивительной, неспешной уверенностью.

Бай Иньфэн сломя голову бросился за ним, но, на беду, толпа была слишком плотной: чем сильнее он торопился, тем сильнее его зажимали со всех сторон. Какие-то прохожие — кто с коромыслом, кто торгующий засахаренными фруктами на палочках, а кто — палочками юау и соевым молоком — принялись отчитывать его за то, что он идет словно слепой и не смотрит под ноги, стоило ему случайно задеть их.

Он, то и дело извиняясь, протискивался вперед, страхась упустить незнакомца из виду, и вовсю закричал:

— А-У! А-У! Тан Сяоу!

Еле выбравшись из переулка, он в растерянности огляделся по сторонам и увидел, что молодой даос стоит совсем неподалеку: правильные черты лица, изящные брови, а в уголках губ застыла легкая, едва заметная улыбка.

Должно быть, он остановился, услышав, как Бай Иньфэн зовет его.

Бай Иньфэн понял, что на этот раз он точно не ошибся. Восемь лет разлуки, восемь лет поисков — и вот наконец он снова встретил его.

Волна чувств лишила его дар речи. Он быстрыми шагами подбежал к Тан Сяоу и крепко обнял его, и лишь убедившись наощупь, что в его объятиях действительно живой человек, разомкнул руки, внимательно оглядел его с ног до головы и расплылся в улыбке:

— А-У, неужели это ты!

А-Фэн, никак не ожидал повстречать тебя здесь.

В голосе Тан Сяоу слышался чарующий, изысканный оттенок, который, впрочем, нисколько не диссонировал с его даосскими одеждами, придавая ему сходство с безмятежным бессмертным, играючи пребывающим среди смертных.

Когда они расстались, обоим было от силы по одиннадцать-двенадцать лет. Тан Сяоу из миловидного, похожего на фарфоровую куклу мальчишки превратился в статного юношу; его черты лица стали гораздо выразительнее, чем прежде, однако облик и манеры почти не изменились, поэтому Бай Иньфэн сразу же узнал его в толпе.

Небольшой переполох, устроенный Бай Иньфэном, привлек к ним взгляды многих зевак. Заметив разодетого в роскошные шелка молодого человека с длинным мечом на поясе, донельзя похожего на избалованного столичного гуляку, люди невольно хмурились, но стоило

им перевести взор на прекрасного юношу в даосском облачении, как вокруг тут же слышались восторженные вздохи.

Столичным жителям было не привыкать к заморским диковинкам, и они вовсе не падали в обморок при виде красавца — в конце концов, им доводилось бесчисленно видеть триумфальные шествия лучших ученых мужей верхом на конях, — а потому все лишь делали вид, будто смотрят мельком и без всякого умысла.

Бай Иньфэн же с малых лет привык к тому, что Тан Сяоу всегда выделяется из толпы, словно журавль среди кур, а потому волновал его совсем другой вопрос:

— А-У, с какой стати ты подался в монахи? Жизнь прижала, что ли? И почему не заглянул ко мне? Мы ведь договаривались: как только я устроюсь на новом месте, то вернусь в долину и заберу тебя! Пусть у меня не сразу получилось вырваться, но ты же мог сам меня найти!

Тан Сяоу тем временем тоже разглядывал старого друга, с которым не виделся столько лет: тот ничуть не растерял своей прежней неукротимой энергии, те же соболиные брови и лучистые глаза, разве что мужественности в облике прибавилось. Тонкий шелк его одежд слегка помялся от того, как он продирался сквозь толпу, ворот распахнулся, обнажая рельефную грудь с угадывающимся под ней мощным разворотом, а смуглая кожа отливала безупречным загаром.

<http://bllate.org/book/27379/3324521>